

Личность и судьба в идейном наследии Конфуция и И. В. Гете:**опыт сопоставления****Доклад на XXIV Всемирном философском конгрессе,
секция 13 (Конфуцианская философия)****Русская версия**

Швейцарский психолог К. Г. Юнг (1875–1981) любил повторять французскую фразу: «reculer pour mieux sauter» («отойти назад, чтобы лучше прыгнуть»). Порой надо отойти, чтобы рассмотреть что-либо получше. Иногда это вообще единственный способ проникнуть в суть того или иного феномена. Не случайно Юнг¹ для объяснения психологических феноменов нового времени обратился к исследованию алхимических трактатов, написанных на эпоху Средневековья.

Для того чтобы иметь возможность сравнить исследуемые феномены, они должны иметь что-то общее. Перефразируя Конфуция, их можно назвать «друзьями издалека» [Lun Yu 《學而 – Хуе Эр》 I, 1]. Именно с подобным случаем мы сталкиваемся в идейном наследии Конфуция и И. В. Гете. Излишне говорить о важности подобного сопоставления – перед нами драгоценные свидетельства, оставленные двумя знаковыми представителями великих культур. Не только китайская культура насчитывает много тысячелетий, но и, по словам одного из влиятельных идеологов минувшего века, «Один – этот немеркнущий извечный образ и выражение изначальных духовных сил северного человека – живет (в сердцах немцев – Н. С.) без малого 5000 лет».² Литература о Гете огромна, и все же, по мнению виднейшего современного исследователя творчества Гете Катарины Моммсен (род. 1925), гетеведению явно недостает профессиональных синологов³.

Каково было отношение Гете к Китаю?

Отвечая на этот вопрос, ограничимся двумя фактами:

1. Как раз в тот момент, когда в ходе «Битвы народов» под Лейпцигом (16–19.10.1813) решалась политическая судьба Германии, Гете демонстративно удалился от общества и углубился в чтение книг, посвященных культуре Китая [Mommsen 1985: 31].

2. В обычно скупом на эмоции дневнике Гете неожиданно попадает взволнованное обращение к легендарному основателю династии Чжоу императору Вень Вану (周文王, Zhōu Wén Wáng, 1152–1056 до н. э.) [Mommsen, 1985: 30].

Интерес Гете к китайской культуре отнюдь не был поверхностным. Наша цель – показать значимые соответствия в идейных установках как Гете, так и Конфуция, во многом определившего духовный облик китайской цивилизации. Эти соответствия касаются ключевых положений идейного наследия обоих мыслителей, разделенных во времени двумя тысячелетиями. Речь идет о концепции судьбы и личности.

¹ «Возможность истинного познания и оценки существа проблемы <...> появляется лишь в случае нахождения точки зрения, лежащей за пределами нашего времени» [Юнг 1998, с. 183].

«Diese Zeit außerhalb kann nur eine vergangene Epoche sein, die sich mit derselben Problematik, aber unter anderen Voraussetzungen und in anderen Formen beschäftigt hat» («Такое время может быть эпохой, имевшей дело с той же проблематикой, но в других условиях и в других формах») [Jung 1992, GW 16. Bd: S. 170].

² «Eine Form Odins ist gestorben... Aber Odin, als das ewige Spiegelbild der seelischen Urkräfte des nordischen Menschen, lebt heute wie vor 5000 Jahren» («Одна форма Одина канула в лету. Однако Один, в качестве вечного выражения духовных сил северного человека, и сегодня продолжает жить так же, как он жил за 5000 лет до этого») [Цит. по: Lukáč 1955, S. 577].

³ «...bedarf es des sinologischen Fachwissens» [Mommsen 1985, S. 21].

В конце жизни, Гете декларативно изложил на страницах своей автобиографической книги «Поэзия и правда» оригинальную концепцию участия высшей силы в судьбе человека, назвав эту силу «демоническим» [Goethe 1908, Bd. 1, S. 817]. Краеугольный камень этой концепции в том, что она относится прежде всего к великим людям («Чем значительнее личность, тем сильнее подвержена она демоническому») ⁴. И если по Шопенгауэру (1788–1860) гения (исключительную, великую личность) характеризует освобожденный интеллект ⁵, то по Гете – это демонический элемент. Говоря в терминах психоанализа, последнее – ничто иное, как коллективное бессознательное, избирающее индивидуума в качестве проводника своего влияния. Начало творческой биографии Гете совпало с эпохой «Бури и натиска», которую еще называют «эпохой гения» (Genie-Zeitalter). Гете сохранил приверженность идее гения до конца своих дней. Однако ориентация на великую личность – это характерная особенность и учения Конфуция, который резко противопоставлял выдающегося человека простому смертному (буквально «маленькому человеку / сяо жень / 小人»). Это противопоставление проходит красной нитью через весь корпус изречений «Лунь юя». Самое поразительное при этом то, что, определяя сущность идеального или благородного человека («цзюнь цзы / 君子»), Конфуций делает это совершенно в духе Гете.

Для изречений «Лунь юя» характерны лапидарность и взаимная соотнесенность, сопряженность. Легко предположить в этой связи, что заключительные строки носят программный характер. Это формулы и установки. И действительно, последние строки «Лунь юя» как раз и содержат ключевое определение идеального человека. А именно, Конфуций говорит, что нельзя быть идеальным человеком, не зная судьбы («мин / 命») «不知命，無以為君子也» [Lun Yu 《堯曰 – Yao Yue》, III, 3.]. Таким образом, согласно Конфуцию, идеальный человек и судьба взаимосвязаны. Но, как указывалось выше, Гете думал точно так же, с той разницей, что на склоне лет стал отождествлять силы судьбы и саму судьбу с термином собственного изобретения (демоническим). В связи с темой судьбы и его значения для автора «Фауста» весьма показателен пример из письма Гете своему другу, знаменитому швейцарскому физиогномисту Иоганну Каспару Лафатеру (1741–1801). Письмо датировано тем временем, когда Лафатера и Гете еще связывали узы тесной дружбы. Гете никогда об этом не забывал и по прошествии тридцати лет находит нужным упомянуть о том, что они порой даже спали в одной постели («по-братски / brüderlich») [Eckermann 1982, S. 609; 18.01.1830]. Гете описывает Лафатеру проект памятника Судьбе [Briefe 1833, S. 58–65]. По мысли Гете, памятник должен иметь четырехгранную форму. На трех гранях монумента должно было быть по изображению, а на четвертой – посвятельная надпись ⁶. На передней стороне должно быть изображение Фортуны, или Удачи [«gute heilsame Glück»], «приносящей победы в битвах», справа – изображение Гения, побудителя, психопомпа и факелоносца, освещающего путь и вселяющего мужество, решимость и непреклонность в сердце идущего. С левой стороны надлежало изобразить бога Термина, который, напротив, диктует осторожность и ставит границы самым смелым начинаниям [Briefe 1833, S. 59]. Воскрешая образ бога Термина, Гете невольно продолжил традицию, восходящую к немецкому гуманисту Эразму Роттердамскому (1466/1467/1469–1536), избравшему Термина в качестве своего девиза ⁷.

---

⁴ («Je höher ein Mensch, desto mehr steht er unter dem Einfluss der Dämonen») [Eckermann 1982, S. 285] (24.03.1829).

⁵ Т. е. интеллект, перестающий быть послушным орудием воли. Шопенгауэр подытоживает свои рассуждения о природе интеллекта сентенцией: «Подобно когтям и зубам, интеллект является инструментом воли» («Intellect, so gut wie Klauen und Zähne, nicht anders, als ein Werkzeug zum Dienste des Willens ist») [Schopenhauer Bd. V, S. 242]

⁶ FORTUNAE DUCI REDUCI NATISQUE GENIO ET TERMINO EX VOTO

⁷ Бог Термин – единственный из древнеримских богов, который не был вытеснен из римского пантеона греческими богами, «олицетворяет античную *virtus* – непоколебимое

Хорошей иллюстрацией комплементарной пары Гения и Термина, олицетворяющей воодушевляющий и сдерживающий принципы, может служить парный портрет неизвестных работы Рафаэля, хранящийся в Лувре.

Важность этого проекта для Гете явствует из одного нюанса: Гете обычно был против всякого расточительства, резко критиковал Лафатера за непозволительную роскошь, допущенную последним при издании «Физиогномических фрагментов». Тем примечательнее заявление Гете в том же письме, что цена памятника не имеет для него значения⁸.

Понятие предела позднее получило развитие в естественнонаучных трудах Гете, утверждавшему, что каждому живому существу поставлен определенный предел, и если оно что-то получает, то столько же и теряет взамен.⁹

Подобное понимание предела характерно и для Конфуция. В зачине «Рассуждений» стоит фраза «Человека не знают, а он не сетует» 人不知而不慍 [Lun Yu 《學而 – Xue Er》 I,1]. Нунен, таким образом, отождествляется с пределом, поставленным развитию и социальной реализации личности. «Человек» не *сетует* потому, что знает волю судьбы (Lun Yu 《堯曰 – Yao Yue》 XX, 3), а значит, по Конфуцию, является совершенным человеком («цзюнь цзы»).

Понятие предела в понимании и Гете, и Конфуция раскрывают и рассуждения Лафатера, чей образ мысли во многом повлиял на Гете.

Так, Лафатер пишет: «Есть лица, совершенно неспособные выразить нежность, и напротив те, которые не могут принять выражение суровости. Гнев и нежность – это эмоции, свойственные всем. Однако для одних лиц естественным является выражение нежности, а для других – гнева. <...> Можно начертить круг, в пределах которого тому или иному лицу предоставлена свобода действия, возможность плохо или хорошо играть свою роль»¹⁰

Далее пути Лафатера и Гете разошлись. Лафатер, словно увлекаемый роковым наваждением, охватившим лучшие интеллектуальные силы Германии, пошел по пути поисков сверхчеловека, а Гете остался верен своей приверженности идее судьбы. Тем самым тема судьбы стала точкой начала необратимого расхождения взглядов обоих мыслителей: образ мыслей Гете – обратная сторона медали образа мыслей Лафатера: если Лафатер ищет высший тип личности, то Гете подчиняет высший тип нунену.¹¹

Так Лафатер становится предтечей Фридриха Ницше. А именно, Лафатеру хочется найти «всеобщую королевскую линию, являющуюся шифром великого алфавита

мужество. <...> Образ бога Термина вместе с девизом «Cedo nulli» («Не уступаю никому») были взяты Эразмом в качестве личной эмблемы (с 1520 г. печать с нею стоит на всех его письмах). <...> Современниками эмблема была воспринята как многозначительное указание на определенную позицию – подчеркнуто независимое жизнестроительство, не подчиняющееся давлению внешних сил» [Котельникова 1989, с. 21].

⁸ «Welchen Preis er [Фюссли – Н. С.] auch auf diese Arbeit setzen möge, ist völlig einerlei» [Briefe 1833, S. 64].

⁹ «Wenn die Natur einem ihrer Geschöpfe an einer Stelle etwas zugibt, zieht sie es ihm an anderer Stelle wieder ab» [Gipper 1966, S. 19].

¹⁰ «Gewisse Gesichter können keine sanften Mienen, gewisse keine mächtig trutzenden annehmen. Alle Gesichter können sanft sein und alle können zürnen. Ich weiß es – aber gewissen Gesichter ist die Sanftmut so natürlich oder so faktize, als einem andern der Zorn». [...] «Du wirst den Kreis bestimmen können, der diesem oder jenem Gesichte anberäumt ist – in welchem es ihm freisteht, seine Rolle gut oder schlecht zu spielen.» [Lavater 1774–1778, 4. Bd. S. 462].

¹¹ «Человек является пассивным орудием демонического» (Eckermann 1982, S. 584, 11.03.1828,)

физиогномики и всегда свидетельствующую о *превосходстве* над себе подобными»¹². Причем Лафатера интересуют не просто физиогномические особенности строения пчел, а признаки превосходства пчелиной матки. Он пишет: «Пчелиные матки обычно больше размером, но это еще не все, контуры их лицевой части и спины выразительней, выпуклее и проще».¹³ И напротив, внимание Гете привлекают прежде всего приметы воздействия нуминозного начала на течение обычной жизни. Этому влиянию, которое характеризуют как влияние случая, Гете придавал большое значение. Весьма знаменательно, что в «Римских элегиях» он возносит молитвы богине Случая [Gelegenheit]. В юности Гете даже сочинил сказку, в которой ему удалось обнаружить дверь в иной мир. Гете воспринимает случай сквозь призму нумена, относится к нему серьезно и называет его «непосредственным волшебством – Unbedingte Zauberei» (т.е. потусторонней силой, которая действует, не нарушая законов природы, а в «обход» их [Mommsen 1960, S. 74]. Сама жизнь Гете, его судьбоносное знакомство с наследным принцем Карлом Августом (1757–1828) и назначение заезжего дилетанта министром сразу, через головы опытных профессионалов, минуя утомительную процедуру продвижения по службе, стала ярким подтверждением концепции «непосредственного волшебства».

Пожалуй, самый значимый результат сопоставления взглядов Гете и Конфуция на судьбу состоит вот в чем: не следует списывать отдельные высказывания Конфуция на архаику (даже тогда, когда они резко контрастируют с современными представлениями). Ошибочно полагать, что эти высказывания являются данью духу времени, обусловлены им, а значит, могут быть ничтоже сумняшеся опущены. (Оставляя идеи в том времени, когда они были высказаны, мы поступаем так же, как поступаем с окаменелостями. Мы оставляем их в той породе камня, в которой они были найдены, или же в кусочках янтаря, где они присутствуют в виде вкраплений. В первую очередь, сказанное относится к ключевой сентенции Конфуция «Совершенный человек должен знать свою судьбу (в качестве неперемного условия)». Ведь по прошествии более двух тысяч лет один из наиболее просвещенных умов Европы – Гете – говорит о том же. Конфуций недаром требует от мыслителя мужества («Lun Yu», 《子罕 – Zi Han》 IX, 29). Чтобы принять его высказывания во всей полноте, требуются не только независимость суждений, но и настоящая смелость.

Надо сказать, что отдельные, более того, программные высказывания Конфуция ставили в тупик уже его современников. Так было с утверждением, что «управление государством следует начать с исправления имен» [«Lun Yu» XIII, 3].

Гете и сам не был свободен от подобного рода сомнений. В первую очередь, это касается Лафатера. Так, Гете пишет Шарлотте фон Штейн (1742–1827): «Представьте себе человека, который только что продемонстрировал вам недюжинные познания в области астрономии и строения Вселенной, причем на уровне самых последних достижений современной науки. Внезапно ваш собеседник заявляет: “Я не упомянул о главном, а именно: мир, чтобы не рухнуть в бездну, покоится на спине черепахи”. Это сравнение, возможно, и хромает, однако в моих глазах Лафатер в одном лице совмещает в себе и обладателя самого светлого ума, и человека, погрязшего в суевериях, да так, что одного нельзя отделить от другого» (Письмо Шарлотте фон Штейн, 06.04.1782) [Goethe 1984, 1. Bd. S. 163].

---

¹² «Ließe sich vielleicht eine allgemeine Königslinie finden, eine Chifer ins große Alphabet der Physiognomik, die immer *Obermacht* über seines gleichen anzeigt») [Lavater 1775–1778, 4. Bd. S. 56].

¹³ «Die Königinnen sind bekanntermaßen nicht nur grösser, sondern die Umrisse ihrer Gesichtsprofils und ihres Rückens sind höher, bogigter, einfacher» [Lavater 1775–1778, 4. Bd. S. 58].

Вышесказанное позволяет нам отойти и от напрашивающейся мифологической составляющей. Почти все переводчики (за исключением, разве, Потье¹⁴) переводят слово «Судьба / мин / 命» как «волю неба»¹⁵. Такой перевод переключает внимание исследователя на внешнюю сферу, затемняя этическую канву высказывания фантастическим сценарием. Однако Конфуций не случайно утверждает: «Дэ (потенция – Н. С.) совершенного человека подобно ветру, а дэ маленького человека подобно траве»¹⁶. Иными словами, «дэ» маленького человека подобно флюгеру и полностью зависит от внешних факторов, а «дэ» совершенного человека обусловлено внутренними причинами или логикой развития самой его личности.

Но это как раз то, на чем многократно настаивает Гете. Когда Фауст говорит о своем желании познать силу, которая держит вселенную изнутри¹⁷, он ведь и имеет в виду силу, не зависящую от внешних обстоятельств. Именно таков и смысл орфических стихов Гете¹⁸. Знаменитая «внутренняя форма» Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) есть форма, развивающаяся «свободно» (независимо от внешних обстоятельств). Слово «внутреннее» в немецком языке – синоним психического. По-немецки можно даже сказать «внутренняя судьба» [Das innere Schicksal].

Подытожим: обращение к идеям Гете и его круга (Лафатера /1741–1801/, Гердера /1844–1803/ и Гамана /1730–1788/) позволяет пройти между Сциллой и Харибдой внешней необходимости и чисто субъективного ощущения ответственности. Так, маститый Дж. Легг (1875–1897) обедняет и размывает «указания Неба», сводя их к «моральному закону внутри нас»¹⁹ Иммануила Канта.²⁰ Но выражение «моральный закон» есть, по сути, *contradictio in objecto*: нарушение закона – карается, а попрание морали – всего лишь осуждается. Гете возвращает нам изначальную суровость отношения человека и фатума, личности и высшего Я. «О, ты, врывающийся в меня подобно смерчу!» – восклицает Ницше, обращаясь к своей

---

¹⁴ Потье переводит: «без осознания своей миссии» («Si l'on ne se croit pas chargé de remplir une mission») [Pauthier 1852, S. 221]. Таким образом, перевод Потье, будучи наиболее ранним переводом «Лунь юя» на европейские языки, оказался чуть ли не наиболее точным.

¹⁵ Ср. считающийся классическим перевод Джеймса Легга: «The Master said, «Without recognizing the ordinances of Heaven (выделено мной – Н. С.), it is impossible to be a superior man». URL: <https://ctext.org/analects/yao-yue> (дата обращения 30.11.2018); [The Chinese 1861, P. 217]

Перевод Л. С. Переломова: «Не зная воли Неба (выделено мной – Н. С.), не станешь благородным мужем» [Переломов 1998, с. 388]

Перевод Ральфа Морица: «Wer den Willen des Himmel (выделено мной – Н. С.) nicht kennt, kann kein Edler sein» [Konfuzius 1982, S. 141]

Перевод Фридриха Вильгельма «Wer nicht den Willen Gottes (выделено мной – Н. С.) kennt, der kann kein Edler sein» [Konfuzius-Kungfutse 2007, S. 274].

¹⁶ 君子之德風，小人之德草。 [Lun Yu 《顏淵– Yan Yuan》 XII, 19].

¹⁷ «...was die Welt / Im Innersten zusammenhält» [Faust. Zeilen 382–383].

¹⁸ К особенностям немецкого языка: когда Гете в «Орфических стихах» говорит о том, что ни одна (внешняя) сила [«Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt»] не способна разрушить отчеканенную [«geprägtes»] форму (личности), эпитет «отчеканенная» (этимологически восходящий к выражению «чеканить монету») выступает в роли придаточного причины и отвечает на вопрос «почему?»: форму личности нельзя разрушить, потому что эта форма получила неизгладимый чекан (судьбы).

¹⁹ URL: <https://www.textlog.de/32414.html> (Дата обращения: 30.11.2018).

²⁰ «命 is the will of Heaven regarding right and wrong, of which man has the standard in his own moral nature» [The Chinese 1861, P. 218].

Самости [Selbst].²¹ Как явствует из первой сентенции «Лунь юя», знание судьбы как минимум утешает, и, соответственно, не сводимо к банальной констатации этических норм.²² Отношение демонического и личности скорее напоминают борьбу Иакова и ангела (Быт. 32:24), полны драматизма.

Возможно, немецкий предоставляет нам уникальную возможность перевода не текста, а самого языка, когда иностранный язык становится комментарием к языку оригинала и раскрывает, а также обогащает его. Наиболее адекватный перевод слова «мин / 命 / судьба» – это немецкое выражение «innere Notwendigkeit» («внутренняя необходимость») [Jung 1992, GW 16. Bd. S.170], звучащее в буквальном русском переводе, увы, не так выразительно.

И еще. Китайскую философию считают социально-ориентированной. Однако основополагающее для всей китайской цивилизации учение Конфуция обращено к индивидуальности. По мысли китайского мудреца, именно таким образом реализуется принцип клепсидры: постепенное и градуальное уплотнение тонкого начала, носителем которого является личность, чье влияние далее расходится кругами на весь социум.

Так, сквозь призму воззрений великого немецкого поэта, мы сможем подойти к тексту «Лунь юя» более непредвзято, сможем глубже проникнуть в суть овеянных преданиями высказываний Конфуция.

ЛИТЕРАТУРА

Котельникова 1989 – Котельникова, Т. М. Прижизненные изображения Эразма в немецкой гравюре // Эразм Роттердамский и его время. – М.: Наука, 1989. С. 20–36.

Переломов 1998 – Переломов, Л. С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Издательская фирма «Восточная литература, РАН, 1998.

Юнг 1998 – Юнг, К. Г. Психология переноса. Пер. с нем. Н. Скородума // Юнг, К. Г. Практика психотерапии. Серия: Классики зарубежной психологии. – М.: СПб.: АСТ Университетская книга, 1998. С. 181–350.

Briefe 1833 – Briefe von Goethe an Lavater aus den Jahren 1774 bis 1783 / Hrsg. von Heinrich Hirzel. – Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1833.

Confuzius 1852 – Confucius et Mencius. Les quatre livres de philosophie morale et politique de la chine / Traduite du chinois par M. G. Pauthier. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1852.

Eckermann 1982 – Eckermann, J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1982.

Gipper 1966 – Gipper, H. Der Beitrag der inhaltlich orientierten Sprachwissenschaft zur Kritik der historischen Vernunft // Das Problem der Sprache. Achter Deutscher Kongress für Philosophie. Heidelberg, 1966. Herausgeber Hans-Georg Gadamer. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1967. – S. 407–425.

Goethe 1908 Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit // Goethes Autobiographische Schriften. Band I. – Leipzig: Insel-Verlag, 1908. [Großherzog Wilhelm Ernst Ausgabe]

Goethe 1984 – Goethes Briefe in drei Bänden. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1984. 3 Bde.

Jung 1992 – Jung, C. G. Gesammelte Werke. – Düsseldorf: Walter Verlag, 1992.

Konfuzius 1982 – Gespräche (Lun-Yu). Aus dem Chinesischen übersetzt und herausgegeben von Ralf Moritz – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1988.

---

²¹ «Mein Leben wie ein Sturm durchschweifender» [Nietzsche 1940, 2. Bd., S. 541; Walther 2015, S. 1;].

²² Так, Мориц в своем комментарии к «Лунь юю» называет «волю неба» синонимом политико-моральных норм [Konfuzius 2007, S. 165].

- Konfuzius 2007 – Konfuzius-Kungfutse. Gespräche-Lunyü / übersetzt von Richard Wilhelm. 2. Auflage Wiesbaden Marix-Verlag, 2007 [nach der 2. Auflage der Ausgabe Jena, 1914].
- Lavater 1774–1778 – Lavater, J. C. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe. – Leipzig und Winterthur: Bei Weidmanns Erben und Reich, und Henrich Steiner und Compagnie, 1774–1778. 4 Bde.
- Lukách 1955 – Lukách G. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin: Aufbau-Verlag, 1955.
- Mommsen 1960 – Mommsen, K. Goethe und 1001 Nacht. – Berlin: Akademie-Verlag, 1960.
- Mommsen 1985 – Mommsen, K. Goethe und China in ihren Wechselbeziehungen. – Bern, Frankfurt a. M., New York: Peter Lang, 1985.
- Nietzsche 1940 – Nietzsche, Friedrich. Auswahl in zwei Bänden. Mit einer Einleitung von Gerhard Lehmann. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1940 / 6. durchgesehene und verbesserte Auflage. 2 Bde.
- Schopenhauer 1894–1896 – Arthur Schopenhauers sämtliche Werke in zwölf Bänden. – Stuttgart: J. G. Cotta, 1894–1896. Mit einer Einleitung von Dr. Rudolf Steiner.
- The Chinese 1861 – The Chinese classics: With a translation, critical and exegetical notes prolegomena, and copious indexes by James Legge, D. D., of the London Missionary Society. Vol. I, containing Confucian Analects, The Great Learning, And the Doctrine of The Mean, Hongkong: At the Authors. London: Trübner & Co, 1861.
- Walther 2015 – Walther, Helmut. Das erste „vollgültige“ Gedicht Nietzsches. – Referat vor der GKP Nürnberg am 16.12.2015. URL: http://www.gkpn.de/Walther_Nietzsche-Dem-unknownen%20Gott.pdf [дата обращения: 24.11.2018].

ТЕЗИСЫ

Разделенные зеном, Гете и Конфуций смотрят на личность и судьбу почти одинаково. Для обоих мыслителей это основополагающие понятия; и тот и другой связывают судьбу и выдающуюся личность воедино. Большинство переводчиков в принципе правильно переводят китайское слово «мин» как «волю неба», т.е. нумен. Однако пропущенное сквозь призму немецкого языка, это понятие может быть переведено как «внутренняя необходимость». Словосочетание «внутренняя необходимость» лучше выражает суть концепции. Так, согласно Конфуцию, на совершенного человека не действуют внешние обстоятельства. Та же мысль выражена и в «Орфических стихах» Гете. Подчеркнем также важность наличия точек соприкосновения в картинах мира обоих мыслителей. Учение Конфуция оставило неизгладимый отпечаток на всем духовном облике китайской цивилизации, а Гете своим творчеством оказал огромное влияние на все последующее развитие культуры Германии, вобрав, в свою очередь, многое из ее достижений, а также особенностей, включая народный элемент. Будучи прямым потомком выдающегося художника немецкого Возрождения Лукаса Кранаха Старшего, Гете был укоренен в самом сердце немецкой интеллектуальной элиты и в качестве носителя генетической памяти стал настоящим выразителем коллективного бессознательного Германии (= «вечного Одина германской души»). Точки соприкосновения в духовном мире обоих мыслителей создают уникальный мост взаимопонимания двух великих народов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судьба, выдающаяся личность, сюнь-цзы, демоническое, непосредственное волшебство, внутренняя необходимость.

SCHICKSALS- UND MENSCHENLEHRE KONFUZIUS IM VERGLEICH ZU LEBENSANSICHTEN GOETHE'S

(Urfassung)

Man kann neue Einsichten gewinnen, wenn man aus der Ferne sieht. Ausdrücklich hat das C. G. Jung gesagt in Bezug auf das Übertragungsphänomen. Gemäß Jung ist «die richtige Erkenntnis und Bewertung eines Problems zeitgenössischer Psychologie nur dann möglich, wenn es uns gelingt, einen Punkt außerhalb unserer Zeit aufzufinden, von welchem aus wir dasselbe betrachten können. Diese Zeit außerhalb kann nur eine vergangene Epoche sein, die sich mit derselben Problematik, aber unter anderen Voraussetzungen und in anderen Formen beschäftigt hat». [Jung 1992 GW 16: 170] Diese Erwägungen lassen uns in Betracht zu ziehen die Übereinstimmungen, welche zwischen Ideen von Goethe und seinen Kreis und deren von Konfuzius bestehen. Denn die Kommentarliteratur dazu ist enorm, aber gemäß einer der führenden Goethekennerin der Gegenwart bedarf es gerade in der Goetheforschung «des sinologischen Fachwissens» [Mommsen 1985: 21].

Schon das Thema China war für Goethe von wesentlichen Bedeutung. Auffallend ist, dass gerade dann, wenn im Jahre 1813 das europäische und deutsche *Schicksal* durch «Völkerschlacht» [16–19.10.1813] bei Leipzig entschieden werden sollte, zog Goethe demonstrativ von gesellschaftlichen Leben zurück – zum ersten Mal im solchen Ausmaß – um Chinesische Bücher zu studieren.

Dieses Verhalten scheint eine Paraphrase zu sein zum desjenigen Verhaltens Goethes während der Italienischen Reise, wenn er und seine Gefährte auf einer Schifffahrt ernst bedroht waren. Goethe schilderte es so: «Immer stärker schwankte das Schiff, die Brandung schien sich zu vermehren, und meine durch alles dieses wiederkehrende Seekrankheit drängte mir den Entschluss auf, hinunter in die Kajüte zu steigen. Ich legte mich halb betäubt auf meine Matratze, doch aber mit einer gewissen angenehmen Empfindung, die sich vom See Tiberias herzuschreiben schien; denn ganz deutlich schwebte mir das Bild aus Merians Kupferbibel vor Augen»

Was aber ist das Schicksal?

In diesem Zusammenhang kann man an «innere Form» von Wilhelm von Humboldt denken. Oder an die *innere Notwendigkeit* laut C. G. Jung [ebenda 170]. In dieser Hinsicht ist die innere Form eine Form zu nennen, deren Entwicklung frei von äußeren Einflüssen ist. Es versteht sich von selbst, dass eine solche Form – gleichgültig auf welcher Ebene – man denke an Sprache (im Sinne Wilhelm von Humboldts) oder an eine Gesellschaft – ist dauerhaft.

In Bezug auf Dauer sagt Konfuzius folgendes: 子曰：「南人有言曰：『人而無恆，不可以作巫醫』» «Ohne beständig zu sein, kann man kein Zauberer sein» [«Lun Yu» 《子路 - Zi Lu》 : 22].

Die Beständigkeit ist vor allem das, was Goethe an der Lavaters Physiognomik suchte, an welcher Ausarbeitung er aktiv teilnahm. Er interessierte sich vornehmlich für das *Beständige* in der Körperbildung: die Knochen.

Es kommen auch Umriss in Betracht, weil sie die Grenzen dessen, was der Mensch *kann*, umschreiben.

Lavater sagt dazu: «Gewisse Gesichter können keine sanften Mienen, gewisse keine mächtig trutzenden annehmen. Alle Gesichter können sanft sein und alle können zürnen. Ich weiß es – aber gewissen Gesichter ist die Sanftmut so natürlich oder so faktize, als einem andern der Zorn».

[...] «Du wirst den *Kreis* bestimmen können, der diesem oder jenem Gesichte anberäumt ist – in welchem es ihm freisteht, seine Rolle gut oder schlecht zu spielen.» (Lavater 1774-1778 IV. Bd.: 462).

In dieser Hinsicht sind die Grenzen oder die Rahmen, die dem menschlichen Tun gestellt sind, mit dem Schicksal gleichzusetzen. In der Bildersprache redend, bezeichnet Goethe das Schicksal mit dem Namen des römischen Gott Terminus.

Es handelt sich um den Brief Goethes an Lavater, in welchem Goethe ein Projekt des Denkmals zu Ehre der Schicksalsgöttin Fortuna beschreibt.

Goethe schreibt: «Mein erster Gedanke war so: Ich wollte dem Monument eine viereckige Form geben...

Von drei Seiten sollte jede einzelne bedeutende Figur und die vierte eine Inschrift haben. Zuvörderst sollte das gute heilsame Glück stehen, durch das die Schlachten gewonnen... im Felde zur Rechten hatte ich mir den Genius, den Antreiber, Wegmacher, Fackelträger mutigen Schrittes gedacht, im Felde zur Linken sollte Terminus, der ruhige Grenzbeschreiber, der bedächtige, mäßige Ratgeber stillstehend mit dem Schlangensstabe einen Grenzstein bezeichnen. Jener lebend rührig vordringend, dieser ruhend sanft, in sich gekehrt» [Briefe 1833: 59].

Wir sehen, dass Lavater und Goethe waren sich einig, dass es gewisse Rahmen gebe, innerhalb welchen der Mensch sich zu bewegen hat. Das menschliche Tun ist von diesen Rahmen ganz und gar bestimmt, und doch sind diese Rahmen nicht von der äußeren Natur. Es sind vielmehr *innere* Tatsachen, die das menschliche Tun und menschliches Sinn bedingen. Man kann deutsch auch das «innere Schicksal» sagen. Das innere kann dabei als Schlüsselwort gelten und lässt vermuten, dass alles was wir Schicksal nennen ist von innen bedingt: unabhängig von äußeren Faktoren. Eine treffliche Beschreibung dieses Grundsatzes finden wir in Goethes Urworte:

Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt

Geprägte Form, die lebend sich entwickelt.

Kehren wir zu Lavater zurück, so ist zu bemerken, dass ein Grundunterschied in Ansichten der beiden zu sein scheint.

Im Unterschied zu Goethe, dessen eigentliches Bestreben eine Auseinandersetzung mit Schicksalsmächten war, kann Lavater sogar als Nietzsches Vorläufer gelten. In seiner Physiognomik bemüht sich Lavater wie Nietzsche stets das Superlative zu finden. Man lese den berühmten Satz Nietzsches: Ich lehre euch den Übermenschen. Der Mensch ist Etwas, das überwunden werden soll. [Nietzsche 1930: 8]

So sucht Lavater z.B. bei der Bienenkönigin die Merkmale ihrer Überlegenheit: «Die Königinnen sind bekanntermaßen nicht nur grösser, sondern die Umrisse ihrer Gesichtsprofils und ihres Rückens sind höher, bogigter, einfacher». [Lavater ebenda Bd. IV.58]

Es besteht die Frage, ob dabei die Theorie von Hogarth ihn nicht beeinflusste. Hogarth [1697–1764] der älterer Zeitgenosse Lavaters glaubte eine «Line of Beauty and Grace» gefunden zu haben und ein Traktat geschrieben hatte, wo er diesen Satz verteidigte.

Als Musterbild blieb für Lavater immer das Bild Christi, der als vollkommene und sogar vollkommenste Mensch – Ebenbild Gottes – diente für Lavater zum Maßstab aller menschlichen Formen, die bloß als Abweichungen von Ideal gelten, obgleich gewisse relative Wert innerhalb einer Zeit und Milieu besaßen.

Das Bedingensein durch Schicksal ist bekanntlich ein Grundsatz der Lehre von Konfuzius. Schon am Anfang seiner Gespräche sagt Konfuzius symptomatisch: 人不知而不慍，不亦君子乎？ [Lun Yu 《學而 - Xue Er》 1.]

Konfuzius gemäß ist das Leben des vollkommenen Menschen [Junzi «君子»] nicht nur durch das Schicksal bestimmt, sondern der vollkommene Mensch folgt dem Schicksal ganz und gar bewusst. Mehr noch. Es ist nur *den* einen vollkommenen Mensch zu nennen, wer sein Schicksal *kennt*. «不知命，無以為君子也» [Lun Yu 《堯曰 - Yao Yue》, 3.1] Es bedeutet eigentlich aus inneren Gründen zu handeln. Goethe hat bekanntlich die Schicksalsomina stets beobachtet und befolgt. Als junger Mann wollte er der bildende Künstler sein, aber eine Orakeldeutung riete es ihm ab.

Der gemeine Mensch unterscheidet sich vom Edlen durch sein Weltbild. Der gemeine Mensch denkt nur an Gewinn: «君子喻於義，小人喻於利» [Lun Yu 《里仁 - Li Ren, 16》]. Alles Gewinnmäßige ist durch Äußere zu erlangen (ist ein Plus an äußeren Güter) und ist demzufolge durch äußere Umstände bedingt. Darum nennt Konfuzius den gemeinen Mensch ein *Grass*. Der vollkommene Mensch ist aber der „Wind“ und so folgt das Grass dem Wind: «君子之德風，小人之德草。草上之風，必偃。」 [Lun Yu 《顏淵 - Yan Yuan, 19》]. Der gemeine Mensch kennt nicht den wahren Wert der Dinge. Der Wert der Dinge ist nicht ihr äußere Nutzbarkeit, sondern ihr innerer Sinn. Den Wert eines Edelsteines kann z.B. nur der Juwelier kennen, nicht der gewöhnliche Mensch. Bezeichnenderweise schätzte Goethe das Märchen aus der Tausend und eine Nacht über Aladdin, der lange Zeit die Edelsteine bloß aufbewahrt, ohne ihren Wert zu kennen. Der Wert, welche dieses Märchen für den Goethes Umkreis besaß, scheint dadurch zu veranschaulichen, dass ein dänischer Nationaldichter und Zeitgenosse Goethes verdichtete es.

Den inneren Sinn der Dinge begreift man durch *Anschauung*. Gemäß Goethe ist die Anschauung eine Betrachtungsweise, wodurch alles Zertrennte in sich vereinigt, also zu seinem Selbst als einer Quelle zurückführt wird. Dieses Anschauungsvermögen kommt zum Ausdruck durch Intensität des Geisteslebens. Der vollkommene Mensch ist *begeisterungsfähig*. Darum sagt Konfuzius, dass er das Altertum *liebe*, [子曰：「述而不作，信而好古，竊比於我老彭。Lun Yu 《述而 - Shu Er, 1》] und darum schreibt Goethe im obenerwähnten Brief an Lavater, dass nur Füssli imstande sei, das Projekt zu realisieren, weil er «mit Geist und Feuer arbeitet» [Briefe 1833: 63] und weil er Einbildungsvermögen hat, während dem anderen Bildhauer «von leichtem Begriff und schneller Hand», doch «an Imagination fehlt». Mut, Ausdauer, Geduld, alle diese [höhere] Qualitäten kommen ins Leben nur durch größere Aussichten, oder, anders gesprochen, wenn man die *Froschperspektive* eines gemeinen Mannes durch *Vogelperspektive* eines vollkommenen Mannes ersetzt.

Es gibt Momente, in welcher das *Technische*, das *Mechanische* des Lebens tritt zurück, und das innere, Schicksalshafte, *innerlich bedingte* tritt hervor. Goethe nennt das die *unbedingte Zauberei* [Mommsen 1960: 74], d.h. solche Zauberei, die, ohne Naturgesetze außer Kraft zu setzen, doch das Erstaunliche leistet, eine wunderliche Lösung bietet, also ihre *Steigerung* ist, Goethes Farbenlehre gemäß. Nach der Farbenlehre Goethes nämlich, welche auf Ausführungen Jean-Paul Marats zurückgeht, die er an die 3 französischen Akademien sandte, bilden die Farben gelb und blau ein Gegensatzpaar. Ihr Ausgleich findet sich entweder auf der äußerlichen oder auf

der inneren Ebene. Im ersten Fall entsteht grün – die Farbe des unteren Ausgleichs, eine bloße Mischung, das Versinken in das Materielle. Im zweiten, höheren Fall entsteht das Rot, welche eine Steigerung bedeutet.

In dieser Hinsicht kann man die Methode von Konfuzius, seine Forderungen das Maß halten im gesellschaftlichen Verkehr, das Rituelle in den zwischenmenschlichen Beziehungen das gesteigerte Leben nennen, die Zurückführung des Lebens auf das Ursprüngliche, Wesenhafte, Naturmäßige.

Es kommt auch das Dämonische in Betracht, eine originelle Erfindung Goethes, die er in seiner Selbstbiographie erörterte. Bezeichnenderweise trifft es hervorragenden Menschen (Je höher ein Mensch, desto mehr steht er unter dem Einfluss der Dämonen) [Eckermann 1982: 285] (24.03.1829). Es erübrigt sich zu sagen, dass alles das ganz ernst gemeint war und kein Scherz war.

LITERATUR

Briefe von Goethe an Lavater aus den Jahren 1774 bis 1783 / Hrsg. von Heinrich Hirzel. – Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1833.

Eckermann, J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1982.

Jung, C. G. Gesammelte Werke. – Düsseldorf: Walter Verlag, 1992.

Lavater, J. C. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe. – Leipzig und Winterthur: Bei Weidmanns Erben und Reich, und Henrich Steiner und Compagnie, 1774–1778. IV Bde.

Mommsen, K. Goethe und 1001 Nacht. – Berlin: Akademie-Verlag, 1960.

Mommsen, K. Goethe und China in ihren Wechselbeziehungen. Bern, ·Frankfurt a.M., ·New York: Peter Lang, 1985

Nietzsche, F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. – Leipzig: Alfred Kröner Verlag, 1930.

ABSTRACT

Die Schicksalslehre ist ein wesentlicher Bestandteil der Lehre nicht nur von Konfuzius, sondern auch Goethes. Es gibt gewisse Übereinstimmungen zwischen beiden Lehren. Darauf aufmerksam zu machen, ist unser Anliegen. Ohne Bezug auf Schicksal ist der vollkommene Mensch, ein Vorbild für das gesellschaftliche Verhalten [Junzi «君子»] gemäß Konfuzius nicht denkbar: «不知命，無以為君子也» «Lun Yu»: 堯曰 – Yao Yue, 3.1]. Auch für Goethe war das Schicksal stets von Bedeutung. Schon Faust in der Goethes Dichtung hofft eine Kraft zu finden, «die Welt im Innersten zusammenhält» [Faust, Zeile 383]. Im Grunde genommen, kann man das Schicksal aus der germanischen Sicht mit der «inneren Notwendigkeit» gleichsetzen. Die innere Notwendigkeit ist das, was von äußeren Umständen nicht abhängt. Goethe sagt davon ausdrücklich in seinen Urworten: «Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt / Geprägte Form, die lebend sich entwickelt». Im späteren Alter hat Goethe sogar eine Lehre über das Dämonische entwickelt, das über das Schicksal des einzelnen Menschen waltet. Bezeichnenderweise gilt dieses Dämonische gemäß Goethe besonders für hervorragenden Menschen [man vergleiche Junzi «君子»]. Tritt diese Macht plötzlich hervor, so ist sie die «unbedingte Zauberei» zu nennen.

KEYWORDS:

Junzi «君子» vollkommener Mensch innere Notwendigkeit Schicksal Urworte Farbenlehre unbedingte Zauberei Dämonische